

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ	ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ	УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА	ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
ВСЯ LA VIE	НА ГРАНИ РАЗВОДА
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ	ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛАСТОЧ...КА	ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА	ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
НЕ ВСЯ LA VIE	МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ	БЕДАБЕДА
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА	ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
СВАДЬБА	ПОЛНОЕ OZOOMЛЕНИЕ
ДНЕВНИК МАМЫ	ПЛОХАЯ ДОЧЬ
ПЕРВОКЛАССНИКА	НЕ МАМКАЙ!
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА	НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
ДОМИК НА ЮГЕ	КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ!	ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ
ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ	НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ	ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА	ПОПОЛАМ
ПЛЮС ОДИН СТУЛ	БАБУШКА, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СТАТЬ
ЧУЖОЙ	ДЕРЕВОМ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ	НЕСЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ	НА ПАМЯТЬ МИЛОЙ СТЕФЕ
НАША ДЕВОЧКА	КРИЗИС ЧУЖОГО ВОЗРАСТА
ПЛОХАЯ МАТЬ	ОСТОРОЖНО – ПОДРОСТКИ!
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ	ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
РОДСТВЕННИКИ	БАЗАР-ВОКЗАЛ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ	

МАША
ТРАУБ

Неслучайные
люди

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Иллюстрация на переплете *Ольги Прусаковой*

Т65 Трауб, Маша.
Неслучайные люди / Маша Трауб. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-235548-6

Все мы, по сути, случайные люди для других. Встречаемся каждый день на дорожках парка: кто-то гуляет с собакой, кто-то — с лыжными палками. Бодрая семейная пара, большой, под два метра, мужчина, всегда в ярких кроссовках, с крошечной собачкой шпицем. У каждого — своя судьба. И свои драмы, радости, истории. Иногда эти судьбы и истории пересекаются. Из таких пересечений и состоит жизнь.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235548-6

© Трауб М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

По судьбе

Эта история произошла в те времена, когда в помещениях можно было курить не только в курилках, а также выпивать и закусывать, не выходя из кабинетов. Когда никто не знал слова «харассмент» и секретарши вполне счастливо выходили замуж за начальников. Служебные романы между коллегами считались нормой и тоже, как правило, заканчивались свадьбами. Когда праздник на работе еще не назывался корпоративом. Скорее, давно забытым словом «сабантуй». Или попросту гулянкой.

В редакции одной газеты готовились отмечать Новый год. Как водится, еще с утра бросили жребий — кто будет дежурить с первого на второе января. Да, в те времена свежая газета выходила второго, значит, на работе нужно было появиться утром первого. В этом году решили тянуть спички — короткую и длинные, чтобы сломать традицию. Обычно тянули бумажки из шапки — кому достанется с крестиком, тот и дежурит. Но два года подряд бумажку вытягивал Антон, что его впол-

Маша Трауб

не устраивало — хороший повод сбежать на работу от жены и ненавистой тещи, которая всегда приезжала на Новый год и делала все, чтобы ее любимая дочь уже прозрела и бросила такого неудачного мужа. Но в этом году Антон, лучший репортер криминального отдела, хотел сбежать не на работу, а в другой город, где у него появилась дама сердца. Он ездил в командировку, освещая какое-то преступление, и познакомился там с девушкой. Впрочем, девушка была не первой пылкой любовью Антона. Он был романтик, настоящий. Любил это состояние — когда хочется свернуть горы, свалиться на голову возлюбленной, осыпать ее цветами. Антон вовсе не был подлецом — жену он тоже искренне любил. Как, впрочем, и всех женщин. Было у него такое качество, которое завораживало, — влюбляться с первого взгляда и в каждой женщине видеть богиню. Он не просто лил в уши комплименты, а делал это абсолютно искренне. С каждой. И умел с каждой своей возлюбленной расставаться прилично, без скандалов, слез, оставляя ее в состоянии богини, которой он не достоин. Девушки, надо сказать, даже спустя годы вспоминали короткий роман с Антоном с благодарностью — ведь в те недели, месяцы они верили, что самые красивые и самые умные и все мужчины должны лежать у их ног.

Со многими Антону удавалось дружить, по-человечески. Не только с ними, но и с их новыми избранниками, ставшими мужьями. Когда предполагалась очередная ко-

Неслучайные люди

мандировка, Антону, как правило, не требовалась гостиница — он останавливался у бывших. Потом начальник что-то там подписывал, и Антон получал квартальную премию из тех сэкономленных на гостиницах денег. Честно приносил домой, отдавал жене, которую, как всем честно же и заявлял, очень любил, ценил, боялся обидеть. Разводиться? Нет, конечно! Ни за что! Это другое. В смысле жена. А влюбленности — это жизнь, дыхание, страсть, творчество. Если у Антона случался роман во время командировки, он всегда привозил блестящий репортаж. Если без романа — просто хороший. А когда появилась новая возлюбленная, получился гениальный текст. Даже главный редактор хмыкнул и выдвинул Антона на премию как лучшего молодого журналиста. Тот, признаться честно, не помнил, в каком трансе написал тогда репортаж. Хотел побыстрее закончить, чтобы бежать навстречу новым вспыхнувшим чувствам. Писал чуть ли не на скорость, на эмоциях. Наверное, поэтому и текст получился страстным, чувственным.

Он писал о суде над женщиной, убившей мужа — по неосторожности, защищаясь. Но прокурор просил максимальный срок. Никто не желал разбираться с ситуацией: муж регулярно избивал жену, часто бывал пьян, соседи не раз слышали крики женщины, но предпочитали не вмешиваться. После статьи в центральной газете выяснили все подробности и женщину оправдали — необходимая самооборона. Один оправдательный приговор

Маша Трауб

на тысячу случаев. Чудо. Антон тогда не верил, что у него это получилось. Новая возлюбленная им восхищалась. Ему льстило, что она смотрит на него как на героя. Под ее взглядом он и сам себя считал таковым. Это была не просто обычная влюбленность, а посерьезнее. Антон хотел еще хоть раз пережить тот момент триумфа, увидеть тот самый взгляд. Почувствовать, что сделал не просто свою работу, а что-то по-настоящему важное и значимое.

Возлюбленная ему писала. Как и женщина, которую благодаря его статье оправдали. Для Антона были важны эти письма, приходившие на адрес редакции. Он хранил их в ящике стола и иногда перечитывал. Для вдохновения, что ли. Возлюбленная им восхищалась, писала, что скучает, покупает газету в надежде увидеть его текст. А когда видит, вырезает и сохраняет. Писала она откровенно плохо, но Антону, который это, конечно же, замечал, было наплевать. Она писала, что он герой. Ее герой. И ничего не требовала — ни приехать, ни пригласить ее в столицу. Ничего. Просто восхищалась. Такое с ним было впервые. Как и то, что она догадалась, что он женат, нисколько этому не удивившись.

Обручальное кольцо у Антона, конечно же, было. Но он настоял не на традиционном золотом, а на серебряном, со вставкой из черной керамики. Жена пожалала плечами и согласилась. Когда у Антона случался роман, он надевал кольцо на мизинец, а не на безымянный палец. Кольцо не выглядело обручальным, скорее стильным,

Неслучайные люди

необычным. Никто из возлюбленных не задавал вопросов, почему он носит кольцо на мизинце. Корреспондент из столицы, видимо, там такая мода. Только она, эта последняя его любовь, спросила напрямую: «Ты женат? Специально кольцо на другой палец надел? Не стоит. Вдруг забудешь вернуть как было?»

Он тогда, приехав домой, действительно забыл.

— Почему у тебя кольцо на мизинце? — спросила жена.

— Палец распух, — ответил Антон.

Жена кивнула. У нее тоже часто отекали пальцы, но она просто отказывалась от колец, которые уже не налезали.

Антон не думал, что его отговорка пройдет так успешно. Он и не замечал, что жена часто страдает от отеков — на руках, ногах. Тогда он почувствовал себя виноватым — возил жену по врачам, дарил цветы без повода, купил браслет. Смеялся — если что, она браслет на палец наденет, и он все равно будет ее любить. Говорил искренне, заботился тоже искренне. Но на работе первым делом читал письма, присланные возлюбленной. Потом писал ответ, бежал и бросал письмо в ящик, благо тот находился прямо на выходе из редакции. Почти год длился этот роман в письмах. И вот появилась возможность увидеться.

Антон мечтал сделать сюрприз — приехать к возлюбленной на Новый год. То есть сказать семье, что опять

Маша Трауб

дежурит, а сам на поезд и — в новую, счастливую жизнь. Пусть и на два дня. Антон и предложил сломать систему и тянуть не спички.

— Тоха, а вдруг ты заявишься, а там тоже теща? — иронизировал спортивный обозреватель Михаил Александрович, которого все уважительно называли Саныч. Он был легендой — в свои далеко за шестьдесят мог перепить любого молодого, а с утра уже бегать на лыжах или играть в хоккей в дворовой команде или, в теплый сезон, в футбол. Саныч пил легко и регулярно, но так же регулярно занимался спортом и мог, опять же, дать фору молодым.

— Ох, лишь бы Серега снова не выбил окно. — В кабинете появилась заведующая редакцией Надежда. Всегда слегка заполошная, нервная и переживательная. Но это было только с виду. Только Саныч и главный редактор знали, что Надежда умеет быть такой жесткой, что все мужики пойдут нервно курить в угол. Когда случались форс-мажоры, Надежда переставала быть ранимой завредакцией, а становилась менеджером-убийцей. Корреспондент опять не прислал вовремя материал? Уволить, если нет уважительной причины, найти другого. Кто-то не вышел на работу, сорвав график? Пусть больше и не выходит. Дизайнер нахалтурил? Штраф. Даже главный, прежде чем принять то или иное решение, советовался с Надеждой.

— Надюха! Компас мой земной! Не дрейфы! — Саныч подхватил Надежду и усадил на колени. — Прослежу за ним!

Неслучайные люди

Надежда, которой тоже было за шестьдесят, похихикала, вырвалась из объятий Саныча и убежала выкладывать мясную нарезку.

— Надюх, водочку я отправил! — крикнул ей вслед Саныч, демонстрируя вывешенные в авоське за окно для охлаждения три бутылки водки.

Всем было известно, что только Надежда могла пить наравне с Санычем и удивительным образом не пьянеть. И пила она исключительно водку, игнорируя шампанское и вино. Если Саныч на следующее после попойки утро выходил на лыжню, то Надежда готовила внукам завтрак, успев с вечера нарезать салаты, напечь пирожки и заквасить капусту. Внуки были единственным ее слабым местом, ради них она и жила.

Эти двое — известный обозреватель и завредакция — будто существовали в другом измерении, где никто не знал про похмелье, головную боль, проблемы с давлением и перееданием. Надежда и Саныч считались бессмертными. Великими. Они никогда не брали больничных, всегда были на месте. Надежда, кажется, даже в туалет не выходила. Они были главными хранителями и редакции, и здания, как домово́й и домовушка. Домовушка, кстати, согласно легендам, была законной женой домового, и именно она принимала все решения. Об этом Надежда рассказывала всем стажерам. Мол, если хватит ума, поймете, кто тут главный.

Маша Трауб

Еще был Леха — охраннык, по совместительству водитель, бывший милиционер. Именно он умел виртуозно отобрать ключи у тех автомобилистов, которые после всего выпитого все же решали сесть за руль. Вызывал такси для барышень и сопровождал до дома в особо сложных случаях. Леха умел врать так же легко, как дышать, все подтверждал и был своеобразным гарантом: мог убедить самую ревнивую жену, что муж напился и тут же уснул. Вот он, Леха, лично его с дивана сгребал, и муж не то что не дошел до молоденькой корреспондентки, но даже посмотреть на нее не успел. Еще у Лехи имелся знакомый врач, который приезжал в любое время и ставил капельницы, если требовалось кого-то срочно привести в норму. Леха считался таким же символом редакции, как Саныч и Надежда.

— Саныч, умоляю, проследи за Серегой! — появился на пороге Леха. — Ну моих связей уже не хватает! Кто в бизнес-структуры ушел, кто в охране. Не отмажу!

— Прослежу, — пообещал Саныч. — Зуб даю! — Саныч сделал характерный жест, щелкая большим пальцем по зубу и проводя кистью по горлу.

— Да, дорогой, сегодня Серега на тебе. Мне домой надо. Внучка затемпературила, — сообщила, пробегая мимо с тарелкой, Надежда.

— Ну вы чего? — Саныч развел руками. — Бросаете меня, что ли? Надюх, а водочка как?

Неслучайные люди

— Наливай, только быстро. Леш, там есть в запасе бутылка? Принеси, пожалуйста. С собой возьму, внучке на компресс. Да и этим охламонам меньше достанется. Глядишь, обойдется, — сказала Надежда.

— Яволь, Маргарита Пална, — хохотнул Леха и убежал за бутылкой.

— Ну что, за нас? — неожиданно грустно поднял рюмку Саньч. — Сколько мы еще тут пропыхтим, а? Как думаешь?

— Ты чего, дорогой, разнюнился? — удивилась Надежда, опрокинув рюмку, даже не поморщившись. — Я на пенсию не собираюсь. У меня ж внуки. А это что значит? То и значит — деньги нужны. Сам понимаешь, какая у меня ситуация.

— Да... ты боец. У тебя хоть внуки... а у меня никого.

— А как же эти охламоны? Как они без тебя? А Серега? — Надежда показала на молодежь, крутившуюся вокруг. Серега — невероятно обаятельный парень, прекрасный рассказчик, заводила в любой компании, был главным. Сейчас он играл на гитаре. Девушки, сгрудившиеся рядом, подпевали, норовя присесть поближе.

— Он мне как сын, да, — признался Саньч. — Люблю его. Талантливый, зараза. Только просрет свой талант, если не одумается.

— Ты с ним поговори, — посоветовала Надежда.

— Ну я ж не отец. Не могу ему подзатыльник ответить, хотя очень хочется. Ну посмотри на него.

Маша Трауб

— Красивый парень и умный. Только от спиртного ему надо подальше держаться. Не умеет пить совсем.

— Слушай, почему у нас таких проблем не было? Пили, курили, ели, что хотели. А этим ничего нельзя. Девки молодые на диетах, парни вон хилые пошли. Ни дунуть на них, ни плюнуть. Водку с соком мешают! А виски с этой колой. Как вообще можно такую гадость пить? Сто раз говорил Сереге — пей водку в чистом виде. Не надо намешивать. Не слушает.

— Не знаю, Саныч, не знаю. Вот мой Федя с чего такой стал? В детстве да, болел часто. Но тогда все болели — то свинка, то ветрянка в детском саду. Никто с ума не сходил. Обычный ребенок. Видимо, я что-то упустила. Врачи говорили, давно должна была заметить. Мол, поздно что-то делать. Время упущено. А я, выходит, не заметила. Потом... никто не знает, как это происходит. Недоглядела я за ним.

— Ты-то и не доглядела? Надюш, да ты орел! За всеми всегда успевала! — заверил Саныч.

— Выходит, за всеми, кроме собственного сына. — Надежда подставила рюмку. Саныч налил. Они выпили молча. — Хорошо, хоть внуков успел мне родить. Только за это Бога благодарю. В церковь начала ходить. На Крещение воду набрала.

— Надюш, ты же этот... как его... атеист, агностик... Ну какая вода-то? Хотя, может, сюда принесешь, побрызга-

Неслучайные люди

ем в кабинете. Глядишь, Серега перестанет окно выбивать? — рассмеялся Саныч.

— Вот ты смеешься, а я уже об этом думала. Но в этом году не успеем. Только на следующий, — серьезно ответила Надежда. — А заодно надо попросить у главного вставить пуленепробиваемое стекло, что ли.

— Леха уже просил. Стекло стóбит как самолет, — отмахнулся Саныч. — Давай святой водой попробуем. Ну а вдруг? Тогда я и сам поверю во всех святых.

— Ой, дорогой, ты до них не достучишься. Видимо, тоже заняты. Может, у них такая же редакция, как и у нас. Бегают, суетятся, не успевают на все запросы отвечать. Иногда пугаются в адресатах. Сколько я просила за Федю, не отвечают. Или не тем святым за него молилась. Кто знает, кто у них за такие случаи отвечает. В храм стала ходить, хороший. Правда, батюшка там... Каждый раз, когда проповедь читает, хочу ему замечание сделать. Плохо говорит, ошибки речевые делает. Я и на молитве не могу сосредоточиться из-за его ляпов. А он... старается, конечно, но проповеди не его жанр, уж точно. Как ему исповедоваться? Очень я хочу в церковь, по-настоящему, пока не получается. И в хор церковный хотела, но там молодежь. Старательные дети. А нот не знают. Говорю им: «Вы сначала ноты хотя бы выучите, чтобы понимать, что поете». Они отвечают, что петь надо душой, а не по нотам.

Маша Трауб

— Надюш, спой для меня, а? Как раньше, — попросил Саныч.

— Да ну. Мне к внучке пора. Да и вон твой Серега девок гитарой соблазняет, — отмахнулась Надежда.

— Ну пожалуйста. Давай покажем молодежи, на что пенсионеры способны. Серега, ну-ка быстро дай сюда гитару! — крикнул он подопечному.

Надежда запела. Для ее возраста у нее был удивительно молодой голос. Когда она пела «А напоследок я скажу» из «Жестокого романса», в кабинете воцарилась гулкая тишина. Никто не жевал, не смел даже отхлебнуть из бокала, чтобы не нарушить это мгновение. Наконец на последнем аккорде Саныч захлебнулся, будто откашливаясь. Его давили слезы. Надежда тоже пела сквозь слезы. Каждый плакал о своем. Саныч — о своей, по сути, никчемно прожитой жизни, в которой оставил пять жен и ни одного ребенка. Точнее, был один, от первой жены, которого он видел раза два или три от силы. Жена уехала в другой город, а может, и в другую страну, забрала сына, тогда еще младенца. Саныч его вначале не искал, а когда захотел найти, то вроде бы уже смысла не было. Да и все контакты давно утеряны. Леха, который знал про наследника, предлагал Санычу помощь, так сказать, органов, но тот отмахнулся. Не надо, поздно уже искать и связи налаживать. Поезд ушел.

Надежда, погруженная в заботы о внуках, никому не говорила, что ее любимый единственный сын Федор, ко-

Неслучайные люди

того она воспитывала одна, без помощи мужа, был давно болен. Шизофрения. Знали только Саныч и главный редактор. Только благодаря связям главного Федя поступил в институт на факультет журналистики и устраивался в разные газеты, журналы. Но Федя не хотел писать. Он ничего не хотел в принципе. Был мирным, ласковым мальчиком — Надежда следила за тем, чтобы он вовремя принимал препараты. Но иногда Федя срывался, и тогда она устраивала его в клинику, там его стабилизировали до следующего приступа. А потом появилась Аня. Надежда приняла ее со всей теплотой. Она была рада, что сын нашел себе девушку, живет как нормальный мужчина. Аня поселилась в квартире Надежды, родила двоих детей-погодок и уехала в Питер искать себя. Про болезнь мужа она не знала — Надежда так и не смогла ей признаться, — то есть причина была не в этом. На попечении Надежды остался не только сын — опять безработный, но и маленькие внуки. Они были чудесными и абсолютно нормальными. Идеальными. Надежде все говорили, что ее внуки — «подарочный вариант»: спали по часам, ели что дают. В садике вели себя идеально. Вообще никаких проблем не создавали. Аня звонила по праздникам, обещала приехать, но не могла — говорила, что работает гримером в кино, все время на съемках. На самом деле перебивалась случайными заработками. Надежда не понимала, как можно бросить двоих детей на свекровь, по сути, чужую тетку. Она снимала внуков,

Маша Трауб

отправляла фото сбежавшей невестке в надежде, что та образумится и вернется. Но Аня вежливо отвечала «спасибо» и не спешила покупать обратный билет.

Федя после бегства супруги совсем замкнулся. Дети не занимался. Даже на работу не хотел устраиваться. Дети считали отца, скорее, еще одним ребенком, но точно не папой, взрослым. Надежда тянула всех троих на себе. Внуки иногда называли ее мамой. Надежда всегда поправляла — бабушка, я ваша бабушка, мама работает в другом городе, скоро вернется. Но даже дети в это не верили. Федор иногда выпрастывался из собственного мира, играл с детьми, гулял в парке. Те радовались таким мгновениям. Потом Федор ложился на кровать и снова ни на что не реагировал. Надежда говорила внукам, что их папа болеет, но скоро поправится. Дети не верили ни в возвращение матери, ни в исцеление отца. Они верили в бабушку.

— Кажется, это мой крест. Тянуть всех до пенсии, причем до пенсии внуков, — призналась она Саньчу.

— Слушай, ну ладно внуки. Но Федор-то уже здоровый мужик. Хоть его выпихни. Пусть работает, зарабатывает, — заметил Саньч.

— Ты бы своего выпихнул? — тихо спросила Надежда. Саньч промолчал.

— Ну, поговори с главным. Может, пристроит его куда, — наконец сказал он.

— Нет, ресурс исчерпан. Давно. Не могу я ни о чем просить. Федя... он, знаешь, в детстве болел часто. Пом-

Неслучайные люди

ню, когда младенцем еще был, только кефир пил, а молоко нет. А тогда на молочных кухнях молоко выдавали, а кефир редко. Я в пять утра вставала, чтобы успеть кефир оторвать. Он, бедный, вечно в корках, коростах. То на ручках, то на ножках. К тому времени, когда в школу после детского сада переходил, его медицинская карта была размером с том советской энциклопедии. Мне говорили, что он не сможет хорошо учиться. Так и получилось — перекачивался с двойки на тройку. Память у него была плохая. Совсем не мог ничего запомнить. Учила с ним стихи, по сто раз повторяла. Без толку. Не виноват он, что такой. Есть дети всегда радостные, довольные, смеются, улыбаются на фотографиях, а Федя всегда был грустным. Ни одной фотографии нет, где он хотя бы улыбается. Да и не помню я, чтобы он смеялся. Может, бывает детская депрессия, которая во взрослую перерастает, как думаешь? Я твержу ему, что у него двое прекрасных детей, пусть ими займется, это ж смысл жизни. Нет, не хочет. Лежит, кино какое-то смотрит. Твержу: поищи работу, он в ответ, что не хочет писать на заказ, под чью-то дудку плясать. Говорю ему: а ничего, что я под чужую дудку всю жизнь пляшу и вас на это кормлю? Отвечает, твой выбор. Он бы хоть, как его Анюта, уехал, вырвался, мечтал о чем-то. Мне кажется, у него этот, как сейчас у многих, аутизм, а не шизофрения. Тогда, когда он маленьким был, не было такого диагноза. Всех, кто не вписывался в норму, сразу

Маша Трауб

в шизофреники определяли. А я теперь думаю, что он никакой не шизофреник, просто особенный. Сейчас не хочет даже на улицу выходить. Ему страшно, я это вижу. Потееет, понос начинается. Как это... мне девочки рассказывали... панические атаки. Но тогда таких диагнозов не ставили. Федя сидел в углу, катал машинку. Главное, никого не бил, игрушки не отнимал. В детском саду его считали хорошим мальчиком, послушным. Делал что говорят. А потом... Это я ему жизнь сломала, моя вина. Не стала стучаться по всем врачам, хотя возможности и связи были. Отпустила ситуацию, надеясь, что само как-то пройдет. В поликлинике врач так и сказала, может, пройдет, израстется. И я ей, дура, поверила. Этой недоучке. Ничего само не проходит, не израстется. Мне сказали — шизофрения, я и кивнула. Не стала докапываться. Таблетками его кормила и только хуже делала. Моя вина, что сына не вытянула. Мой грех.

— А его отец? Он никогда не хотел узнать? — спросил Саныч.

— А ты, отец, никогда не хотел узнать? — отрезала жестко Надежда. Сколько раз за эти годы она убеждала Саныча найти сына, сделать первый шаг. Столько же раз он кивал, соглашаясь, но ничего так и не сделал.

— Надюх, не злись, ты же знаешь, что я отец никакущий, — ласково сказал Саныч, — навалил дров и даже разгрести не могу. Не хватает смелости. Это ты у нас ге-